

СИГИЗМУНД
КРЖИЖАНОВСКИЙ

Тринадцатая каталогная рассылка

Сигизмунд Кржижановский

Тридцать сребреников

«Public Domain»

Кржижановский С. Д.

Тридцать сребреников / С. Д. Кржижановский — «Public Domain»,

ISBN 978-5-457-30743-8

«Прозеванным гением» назвал Сигизмунда Кржижановского Георгий Шенгели. «С сегодняшним днем я не в ладах, но меня любит вечность», – говорил о себе сам писатель. Он не увидел ни одной своей книги, первая книга вышла через тридцать девять лет после его смерти. Сейчас его называют «русским Борхесом», «русским Кафкой», переводят на европейские языки, издают, изучают и, самое главное, увлеченно читают. Новеллы Кржижановского – ярчайший образец интеллектуальной прозы, они изящны, как шахматные этюды, но в каждой из них ощущается пульс времени и намечаются пути к вечным загадкам бытия.

ISBN 978-5-457-30743-8

© Кржижановский С. Д.

© Public Domain

Содержание

I	5
II	6
Конец ознакомительного фрагмента.	7

Сигизмунд Кржижановский

Тридцать сребреников

*И, бросив сребреники в храме, он вышел, пошел и удавился.
Первосвященники, взявшие сребреники, сказали:
«Непозволительно положить их в сокровищницу церковную; потому
что это цена крови».
Сделав же совещание, купили на них землю горшечника для
погребения странников.
Посему и называется земля та «землею крови» до сего дня.*

I

Этими четырьмя стихами берусь накормить дюжину томов и развернуть их в десяток авантюрных романов. В самом деле, пересмотрим образы: горсть монет, брошенных на плиты храма; удавленник в петле; корыстолюбец-горшечник, не слишком принимающий к запаху денег; эффектное заглавие – «Цена крови»; кладбище для расстрелянных странников; наконец, мастерски сделанный последний стих, который, взяв квадрат земли, отчужденный под покойников, за четыре ее конца, растягивает кладбище до... Ну, это уж будет зависеть от того, реалист, символист или романтик возьмется за разработку темы.

Я давно уж брожу вокруг третьего стиха цитаты и однажды вошел в него, но не через те двери: я постарался представить себе отмер земли, иссохлой и расщеленной зноем, под порослями сухоиглых тернов, локтей сто на сто или около того; вокруг пути и тропы, паутина дорог, поставляющая отстранствовавших странников. Тут тема задавала мне вопрос: почему первосвященники, приобретая землю под кладбище, заботились исключительно о чужестранцах, а не о своих, не о иерусалимлянах, или, наконец, не о своем первосвященничьем часе. Стих четвертый разъяснял: цена крови. Первосвященники, ведущие процесс против Иисуса с тонким знанием канонического права, и в данном случае не заслуживают упрека в бесхозяйственности: никоим образом нельзя зарывать в опоганенную кровью землю своих, ну а с чужими можно не церемониться. Но дальше тема начинала морщить: ведь странников было много, а земли мало, трупов прибывало, кладбища – нет. Таким образом, земля крови, как бассейн без отливных труб (таких ни в одном задачнике не бывает), слишком скоро наполнялась по самую ограду и тема застопоривалась; приходилось прибегать к призракам, бродящим над могилами, апеллировать к непоседливости странников, которые даже и в могилах не могут, мол, долежать спокойно до судной трубы, одним словом, пускаться на обветшалые романтические трюки, которые ни цензура, ни хороший вкус (редкое совпадение!) не пропускают.

Тогда я, обойдя стих кругом, вошел в него через «купили» и выбрал в герои тридцать сребреников: это неромантично, звонко, доступно счету и относительно нетленно. Ведь в самом деле, кто и что осталось от евангельской истории о смертях: одного распяли, другой повесился, третьих, говорю о странниках, одного за другим врыли в землю крови. В обращении остались лишь тридцать звонких монет: за ними, куда бы ни покатались сребреники, пойдет мой рассказ. Начинаю.

II

Сребреники как сребреники: гладкий круглый край, четкий оттиск цифр, металлически острый голос. Но, очевидно, было в них вчеканено нечто, свойственное только им, тридцати: сребреники, купившие успокоение странникам, сами были странниками, не знающими успокоения, – вчеканенный в них сребренный зуд отдергивал их от пальцев к пальцам, перебрасывал из кошельков в кошельки, пока не... но давайте по порядку.

Каиафа отдал их Иуде; от Иуды они тотчас же вернулись в сокровищницу Каиафы; но она не приняла их, – и деньги перешли к горшечнику. Горшечник, замотав все тридцать в тряпицу, зашагал не спеша из улицы в улицу, направляясь к северным воротам; жил он в Прииерусалимии, за городской стеной, и к закату рассчитывал добраться до своей лачуги. Но сребреникам не лежалось под тугим узлом, и, свернув в харчевню, горшечник размотал тряпицу. Сначала он выпил на один сребреник, потом на другой, – и все тридцать, весело звеня о прилавок, перекатились от горшечника к трактирщику. Тут, соблюдая традиции легендописцев, легко было бы сочинить, что горшечник спрашивал белого вина, но ему приносили красное, с привкусом крови и т.д. и т.д., – но так как я не сочиняю, а рассказываю подлинную правду, то мне придется ограничиться сообщением, что до ворот горшечник дошел, хватаясь руками за городскую стену; за воротами не за что было хвататься, кроме как за землю, что горшечник и не преминул сделать. Утренний холод разбудил его: голова была налита свинцом, в руках – ни сребреника.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.